

Антон Коненков

«Земля снов»

Снова тот же сон... Та же терзающая душу заунывная тревога, словно зубная боль, то стихающая, то подступающая с новой силой. Образы, тени и звуки, то хаотичные, то складывавшиеся в нечто ускользающе туманное, не давали понять причин ненавистной утренней хандры, бывшей его спутником уже половину луны. Натена с трудом поднялся из смятого пропотевшего вороха шкур – такие ночи почти не давали отдыха, даже будучи тихими и спокойными.

В столь ранний час всё семейство ещё спало, и чтобы не тревожить их, он оделся и стараясь не шуметь, направился к выходу. В негромком шипении и лёгкой дымке очага никто не заметил его приглушённых шагов по мягко выстланному полу.

Выйдя из чума, он который раз оглядел далёкое и смутное в утренних сумерках редколесье, пытаюсь понять, что же ему в нём так не нравится. Всё те же чахлые пихты и подёрнутый инеем кустарник, что и на предыдущих четырёх стоянках. А левее – бесконечно тянущаяся до самого края мира синева равнины, ныряющая где-то глубоко в долгой ночи под воды океана мёртвых.

«Перекрёсток»

- Какая кстати у тебя специальность?

- Коренные народы Сибири и крайнего севера, если в общих чертах, - сказал я, доставая пачку листов для записей – жизнь так и не приучила меня к блокнотам, как и к чему-то более удобному, чем перьевые ручки.

- Богатый простор для изучения, и не лёгкий... - задумчиво произнёс старик. – Я теперь многое знаю об этих местах и тех, кто населял их в разные времена. Жаль, всё самое важное, скорее всего останется для тебя бесполезным. Ты, к примеру, знал, что когда океан ушёл из этих краёв, местные ещё семь веков перестраивали свои поселения под новые условия? Даже маленькие осколки морей себе оставили в гротах и других полостях глубоко под горами. А кто-то

говорил, что и не маленькие, но ходы туда даже тогда были не для всех...

- Но морское дно здесь было сотни миллионов лет назад, о каких жителях речь? – недоумеваю уставился я на собеседника.

- Об очень разных. Да и не только о них. Я же говорю – всё самое интересное в моих знаниях не принесёт тебе никакой пользы, потому что публиковать их – значит быстро прослыть сумасшедшим в любом уважающем себя сообществе исследователей. Большинство доказательств столь древних событий исчезли под гнётом сотен и тысяч веков. Другие, те, что неподвластны времени, как раз находятся на пределе познания любой здоровой психики, а то и за ним.

- Сплошные догадки и никакой конкретики... - нарочито прямо посетовал я.

- Какие уж тут догадки! Погоди... - старик ненадолго вышел в соседнюю комнату и вернулся с большим, не меньше локтя в длину и ширину, довольно толстым томом. Плотная кожаная обложка была почти чёрной – то ли изначально, то ли от времени. Поверхность кожи была рифлёной бесконечными рядами окружностей и дуг из крошечных, еле различимых символов, одни из которых слабо отливали оттенками бледно-синего, зелёного и фиолетового цветов, другие вовсе сливались с фоном. – Вот и та самая Книга, о которой ты столько слышал. Именно она рассказывает интереснейшие вещи, если уметь спрашивать и понимать её язык.

- И как же именно вы общаетесь с ней? – мне действительно стало любопытно, я твёрдо решил записывать наш разговор дословно, каким бы странным он ни был.

- Уже считаешь меня ненормальным? – ухмыльнулся старик.

- Ничуть. Я видел немало удивительного и жажда знаний во мне сильнее любых предрассудков. – честно признался я в ответ, ещё не зная, в чём секрет этой книги и какие фокусы вытворяют память и воображение старика с его гостями и с ним самим.

- Сперва я долго разговаривал с ней, - старик открыл том, положив себе на колени и сверху вниз по странице сбежали чернильные подтёки, складываясь в длинные столбцы символов шириной десятков-два странных значков, чередовавшихся с

миниатюрными геометрическими фигурами. – потом я понял, что общаться мысленно получается лучше, если дать время взаимно настроиться.

Я неотрывно следил за книжным разворотом. Само собой, такое представление с чернилами – не самый сложный фокус, при должной сноровке. Вот только сидевший напротив старик меньше всего походил на фокусника. Да и если предположить, что это какая-то мистификация, то в чём её смысл? Столько усилий и ухищрений, чтобы впечатлить случайного путешественника, который мог и не прийти? Как-то даже нелепо, если он конечно не действительно сумасшедший, что, признаться, было бы не удивительно для учёного, просвещённого деятеля образования, ушедшего жить в полном одиночестве в непролазную чащобу бескрайней тайги.

- Как это получается, с чернилами? – не нашёл я ничего лучше наивного в своей простоте вопроса.

- А как получается с кристаллами в экранах? Точно не знаю, но тут, наверное, как-то так же.

- Но это просто бумага! – я позволил себе протянуть руку через столик и провести пальцами по углу плотной, грубой, переходящей по краям от жёлтого к коричневому страницы. – Извините, но это и правда обычная бумага – кристаллы такого не могут, при всём желании их создателей.

- Я так и сказал - «наверное» - безразлично пожал плечами старик. – В прошлой жизни я был математиком и мало знаком с устройством техники, да оно мне и ни к чему, тем более теперь.

#### «Огни и знаки»

Когда ты юн и горяч, долгая ночь тянется так тоскливо и мучительно, что к весне с трудом помнишь время до её начала. Длинные осенние переходы на юг помогают не прощаться с солнцем на нестерпимые месяцы и укрыться за частоколом тайги от пронизывающих до костей ветров, рождающихся в чёрном лоне неба мерным дыханием спящего океана. Однако, даваемые таким путешествием краткие часы густых, но в тоже время зыбких сумерек не заменяют величие и радость настоящего дня.

Огни снова появлялись за полночь и плавали в чаще леса много часов, исчезая до первых признаков света на небе. Кто-то говорил, что это отголоски небесных сияний, но они никогда не спускались так низко, чтобы струиться между деревьев... Другие думали, не стоянка ли это другого племени – но ни одна лампа или лучина не горела таким ровным, да ещё и зеленым светом. К тому же – что в такую суровую зиму было делать людям так глубокого в непролазной чаще урмана?

Когда через несколько часов, где-то далеко в непроглядной тьме леса вновь стало разливаться мерное, то изумрудное, то почти белёсое свечение, он сказал, что у духов похоже какие-то важные дела в этих краях и не следует им мешать. Налетавшие снова и снова метели и так гнали нас на юг, так что его напутствию начинать сборы заранее, никто не возражал, тем более что даже пытаться охотиться стало невозможно, так как приближаться к лесу он строго всем запретил даже днём. Собаки с появлением огней продолжали изводить себя и людей всё более неистовым воем, впадая от их вида в такое исступление, что приставленные за ними следить охотники уже беспокоились, не бешенство ли это. Перенос привязей избавил от нестерпимого не дававшего спать шума, но теперь, когда свечение из леса каким-то образом погружало в тишину всё вокруг, отдалённый яростный вой целого хора собак с противоположной от леса стороны делал это безмолвие ещё более зловещим.